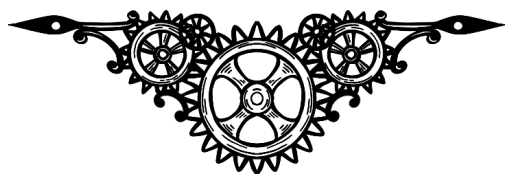

АМАРИ ЭБЕР

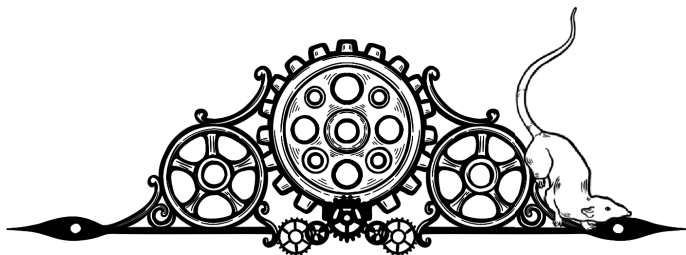
Теурги
ЖРЫСИНОЕ
КОРОЛЕВСТВО
ЧАСТЬ 1

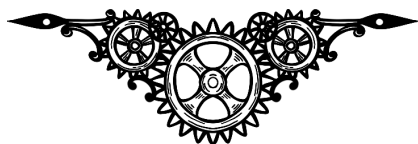
RUGRAM

Москва

2025

ИНТЕРЛЮДИЯ

Профессор Массим Нифакт – в прошлом заслуженный воздухоплаватель, а в настоящем преподаватель магической навигации – занимался тремя делами разом: созерцал даль, планировал собственные похороны и ожидал прибытия поезда. Первое и последнее удавалось ему особенно хорошо: горизонт темнел надвигающейся мглой, а поезд задерживался.

В обдумывании траурных торжеств не было срочной необходимости – разменяв шестой десяток, бывший офицер сумел сохранить тело и дух в бодром здравии. Дело было даже не в скверном настроении профессора или привычке предаваться унынию. Отнюдь: случайный прохожий, уже успевший купить у лоточника газету и кулёк жареных каштанов в дорогу и теперь от нечего делать разглядывающий будущих попутчиков, непременно отметил бы до-

вольную ухмылку на усатом лице профессора. Дело в том, что, размышляя о неотвратимом итоге, Массим Нифакт, как правило, сосредотачивал внимание не столько на траурных кружевах и букетах с чёрными лентами, сколько на тех словах, которые непременно прозвучат о нём и в честь него, когда сам он отойдёт в мир иной.

В такие моменты мысленному взору представлялось поистине отрадное зрелище: бывшие сослуживцы самых разных чинов, нынешние коллеги, студенты и лаборанты, старые приятели и даже соседи, ну а проще говоря – все, кто так или иначе был знаком с профессором, собравшись у его гроба, опускают головы, как бы в знак невосполнимой утраты, но на самом деле пряча от окружающих слёзы скорби. Играет торжественный гобой. Знамёна полощутся на ветру. Главнокомандующий королевского воздушного флота и ректор академии оккультных наук произносят траурные речи о том, какую важную роль в развитии магической навигации сыграл их покойный коллега, каким недюжинным умом и редким талантом он обладал, и каким ударом для всех стала его смерть.

В условленную минуту, согласно задумке профессора, толпа угнетённых горем поклонников в едином порыве собирается у его могилы, стенаая и дрожа, чтобы навек проститься. Дамы кутаются в палантины и крепче прижимают к себе детей. Мужчины снимают шляпы, хмурят брови, затем подходят по одному и швыряют комья рыхлой земли на крышку гроба. А над всем этим действием вдруг раздаётся...

...Паровозный гудок. Профессор взмахнул рукой, словно отгоняя пленившие его грёзы, и следом за дамой с маленькой собачкой взошёл по ступеням в вагон. Контролёр в бенгалиновом жилете учтиво его поприветствовал, пропуская в отсек для пассажиров первого класса. Профессор поудобнее расположился в кресле и извлёк из внутреннего кармана пиджака сложенную вчетверо утреннюю газету. Гудок повторился и состав, набирая скорость, двинулся вдоль осенних пригородных рощ и убранных полей.

Дабы окончательно разорвать связь с фантазиями и вернуться в реальный мир, профессор Нифакт развернул газету, собираясь развлечься чтением незатейливых новостей о парламентских выборах, межконтинентальных гонках, а также рассчитывая на то, что в колонке с гороскопами не окажется поводов для беспокойства. И пускай коллеги с кафедры астрономии утверждают, что всё это несусветная чушь, тем не менее...

Чёрно-белая фотография на первой странице сразу же повергла профессора в некоторое замешательство. Сперва ему показалось, что на ней запечатлён какой-то экзотический цветок. Но повертев газету так и эдак, он пришёл к выводу, что это скорее плохо отпечатанная топографическая карта, нежели снятый крупным планом окурок сигары.

Попутчики держали в руках точно такую же газету. Утренний выпуск внимательно читали все, включая хозяйку маленькой собачки. Профессор удивился такому единодушию и снова присмотрелся к первой полосе. При взгляде со стороны отпечатанный снимок не стал яснее, однако на глаза профессору попался заголовок: «Крушение “Бадденкранста”: трагедия в воздухе». Не в силах совладать с охватившим его волнением, профессор Нифакт открыл первый разворот и прочёл:

«4 октября 1925 года эры Сколопендры в 22:15 по местному времени в небе над столицей Скрамтории при выполнении посадки потерпел крушение витанский пассажирский дирижабль “Бадденкранст”. На борту находилось сто пятьдесят человек, из них – девятнадцать человек экипажа. “Бадденкранст” выполнял перелёт по стандартному маршруту. В момент стыковки с причальной мачтой загорелся левый борт. Огонь в считанные мгновения охватил весь фюзеляж и моторный отсек. Дирижабль потерял управление, упал на землю с высоты пятьсот футов и разбился. Когда на место прибыли пожарные экипажи, тушить было уже нечего. Информации о выживших нет. Количество жертв уточняется».

Профессор ещё раз взгляделся в чёрно-белые абрисы. Только теперь он стал различать очертания дирижабля в том, что изначально принял за дымящуюся сигару. То, что показалось ему лепестками цветов, лишь теперь обрело понятные черты и оказалось широкими языками пламени.

За окном проносились умиротворяющие пейзажи, столь милые сердцу профессора, но в этот раз он совершенно не замечал их. Вновь и вновь он пробегал глазами по мелкому типографскому шрифту и надеялся, что в какой-то момент разглядит доселе ускользавшую от его внимания деталь, подробность, которая в корне изменит смысл прочитанного. Разве это не тот самый рейс, на котором в составе делегации в Скрамторию отправились двое его коллег? И разве это не та делегация, которую возглавлял молодой дипломат, Блэзис Веласко? Кажется, они должны были представлять какой-то проект... Что-то про облегчённый режим прохождения границ... Вся академия только об этом и говорила. Даже его, Нифакта, пару раз привлекали в качестве научного консультанта...

Но значит ли это, что они все... Взгляд задержался на фразе «информации о выживших нет», и профессор охнул. Как бывший воздухоплаватель он считал дирижабли одним из самых безопасных видов транспорта, если, разумеется, соблюдать все правила эксплуатации. Поэтому в его потрясённой голове рефреном крутились всё новые вопросы: что могло стать причиной возгорания в воздухе? Неужели фатальная ошибка?!

Пытаясь отвлечься от тягостных мыслей, Нифакт поднял голову, осмотрелся и был неприятно удивлён, что его попутчики, прочитав статью о крушении дирижабля, с бесстрастными лицами переворачивают страницы газеты, внимательно изучая остальные статьи: о курсе валют и результатах скачек. Кто-то возмущался, рассуждая о ценах на зачарованные громоотводы, кто-то спорил о ситуации на бирже. Ещё вчера профессор Нифакт с удовольствием бы присоединился к подобным разговорам, чтобы скоро-

тать поездку, но сейчас он недоумевал. Взрыв дирижабля – редчайшее событие, катастрофа! Погибло столько людей! Подающие надежды учёные, политики, новаторы, желавшие улучшить мир. Да как эти люди позволяют себе думать о чём-то помимо случившегося?!

Паровозный гудок сообщил о приближении Эл-Норриджа. Массим Нифакт медленно встал со своего места и двинулся к выходу.

Академия, как всегда, встретила его звоном сотен студенческих голосов. Хохот и гам разносились по огромному холлу, повсюду толкались люди. Под потолком развевались неуместно пёстрые плакаты в честь победителей олимпиады по астрофизике. Профессор магической навигации не был готов сейчас праздновать чужие победы, поэтому поспешил подняться по мраморной лестнице и пошёл в сторону кафедры.

Зайдя к себе в кабинет, плотно прикрыл дверь и шумно выдохнул. Огляделся. Вот пустующий стол доктора Грэгсона, одного из тех, кто был на борту злосчастливого судна. На столе кружка, подаренная коллегами на день рождения, ворох документов, которые он так и не успел разобрать. А вот фото семьи в самодельной рамке, обклеенной ракушками. Массим застыл, не в силах оторвать взгляд от этого зрелища. «Тысяча ураганов! Может, всё это проклятый сон?! Кому-нибудь наверняка удалось спастись! Ведь так не бывает, чтобы в один день...» Он подошёл к окну и увидел, как блеснула первая вспышка молнии. Студенты, сидевшие на лавочках и газонах, хватали вещи и спешили укрыться в академии.

За стенкой послышался приближающийся стук каблучков и звуки спора. Требовательные нотки в голосе профессора Юнии Массим узнал сразу. Но кто второй? Голос как будто приглушён... Профессор Нифакт открыл дверь и столкнулся с кем-то, резко пахнущим серой. Человек отшатнулся, зыркнул поверх респиратора и унёсся дальше по коридору.

– Я недоговорила! – крикнула вслед профессор Юния, но не дождавшись ответа, лишь развела руками. – Доброе утро, Массим. Вы уже слышали о происшествии с делега-

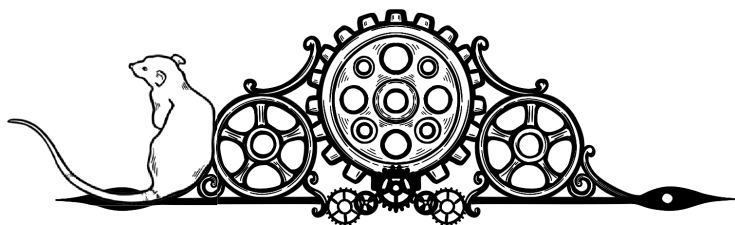
цией старшего господина Веласско? Да? Тогда пригласите ко мне мисс Лэрри. Нужно разобрать вещи наших покойных коллег, чтобы передать родным. Бумагами займёмся завтра.

Заведующая ушла, а профессор Нифакт, прихрамывая, поплёлся выполнять скорбные указания.

«Так быстро, – не верил он, – ещё вчера они были живы! А уже сегодня от их вещей избавляются, как от хлама! Их место займут другие, их кружки и пепельницы растащат чьи-нибудь загребушие лапы, и только в коридоре на втором этаже появится пара новых портретов».

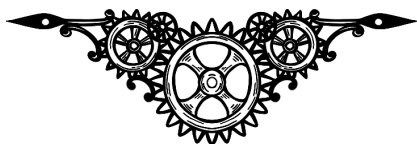
Выходит, в смерти нет ничего торжественного. Никакой вечной памяти и раздавленных горем сослуживцев, восхваляющих твой неизмеримый вклад в общее дело. Нет, сэр! Все живут своей обыденной жизнью: празднуют победу в олимпиаде, спорят с начальством или вон, как мисс Лэрри, пилят свои аккуратные ноготки прямо за рабочим столом. Нифакту казалось, что в этот миг только он и дождь, наконец добравшийся до Эл-Норриджа, искренне оплакивают погибших.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Кассандра попадает в мир
надменных мужчин, Ариас ждёт подвоха,
а Винсенс вынужден сделать выбор

– Санди! Немедленно проснись! – Голос кузена долетал из темноты. – Ты представляешь, что написали эти прохиндеи в утреннем «Готтергем пост»? Якобы сегодня звёзды обещают близнецам уникальную возможность стать жертвой чужих интриг или же встретить вторую половинку. Гремлины их задери! Почему «или»? Я бы на твоём месте старался успеть и то и другое. Любовь – это прекрасно, но зависть коллег – куда более ценный ресурс, поверь моему опыту. Кстати, Крисп уже заговорил монеты на удачу: сунь под пятку, когда будешь проходить собеседование... И поторапливайся: твоя очередь готовить завтрак.

Невидимая сила сорвала одеяло, а яркий солнечный свет вторгся под закрытые веки. Санди поджала колени и спрятала голову под подушку, так что на виду остались лишь растрёпанные кончики каштановых прядей.

– Не пытайся надуть меня, Ариас, – пробухтела она из своего укрытия. – Сегодня четверг, а значит, готовит Крисп. И вообще, я начинаю сожалеть о том, что поддержала твоё решение уволить экономку...

– Всё так, дорогая. Но не ты ли говорила, что для того, чтобы женщина наравне с мужчинами могла выбирать себе занятие по душе её необходимо избавить от обременительного домашнего труда?

– Я имела ввиду всех женщин, а не конкретно миссис Уиллби!

– Ну же, сестрёнка, мы ведь команда! К моему великому сожалению, то, что приготовил Крисп, сбежало из кастрюли и теперь носится по дому. Поэтому вставай, бери ситуацию в свои умелые руки и спасай нас от голодной смерти. Но поторопись. До выхода остался час, а в академии опоздунлов не любят.

– Да неужели?! Это говорит человек, который ни разу не пришёл на работу раньше десяти! – Санди перевернулась на другой бок.

– Я – другое дело! – гордо парировал кузен. – Артист не выходит на сцену, пока не наполнился зал. К моменту моего появления мисс Бьёрк, как правило, уже прочитала утреннюю почту и готова сообщить важные новости, а госпожа Улима успела сварить свой потрясающий кофе и отправить мне со службой курьерской доставки. – Ариас отобрал у сестры подушку и ловко закинул её в дальний угол комнаты. – Вот достигнешь моих высот, дорогуша, тогда и поймёшь, что опаздывать на работу нужно исключительно в удовольствии. Причём для этого нужно либо обзавестись хорошей должностью, либо избавиться от совести.

– В твоём случае справедливы оба утверждения. – Санди поманила рукой, и пёстрое лоскутное одеяло само поползло на кровать, укутывая хозяйку.

– Будешь дерзить, когда станешь профессором алхимии!

– Ха, может, я вообще не смогу устроиться в академию... – зевнула Санди.

– Ты точно не устроишься, если останешься в постели! – Ариас снова сдёрнул с сестры одеяло и проворно исчез в дверях вместе с ним.

– Судя по грохоту, Крисп всё-таки загнал в угол своё творение! – крикнул он из недр дома. – Нужно помочь парню выпустить его в дикую природу. Сбор на балконе через сорок минут. Поторапливайся!

Кассандра Моррен всё же приготовила завтрак. Собрала волосы в низкий пучок, убрала катышки со старого драпового пиджака, отпарила брюки, которые не первый год пылились в шкафу и неожиданно оказались впору, покрутила в руках помаду, но не решилась ею воспользоваться и медленно поднялась на балкон.

Несмотря на то, что близилась осень, на улице стояла по-летнему тёплая погода. Бесконечно прекрасная озёрная гладь вторила безоблачной синеве, и если бы не солнечные блики, отражённые в воде, то невозможно было бы различить, что именно делают маленькие лодки – ещё плывут или уже летят. Лишь упитанные чайки деловито прогуливались по гранитному парапету и оценивающе поглядывали на булку в руках щуплого мальчика-почтальона, который запихивал в рот кусок за куском, деловито спеша по набережной. На том берегу поблёскивали окна шикарных фазенд. Но этот умиротворяющий пейзаж не вселял в Кассандру уверенности и покоя. Её мутило. К горлу подступил кислый комок.

– Волнуешься? – В дверном проёме показался племянник. Длинный, нескладный, с такими же тёмно-каштановыми вихрами, как и у неё, правда, Крисп даже не потрудился привести их в порядок.

– Не то слово, – выдохнула Кассандра. Её лицо было неж-